

Пусть обстановка и не располагала к веселью, в этот миг и игроков, и неписей охватило на редкость нелепое чувство: «А что, так можно было?»

Самое досадное — если вдуматься, парень ведь ни в чём не ошибся. Он всё просчитал заранее и перед обвинением предусмотрительно уточнил:

— Вы хозяин этого места?

— Нет.

— Ну, значит, вы тоже гость.

Раз гость, то имеет полное право указывать на чужие роли. А то, что этот «гость» только что кромсал людей тесаком и глазом не моргнув, выдавало в нём призрака с головой. Всё логично, комар носа не подточит.

«Комар носа не подточит», как же!

Да как он вообще не побоялся, что разозлённый непись просто развернётся и прикончит его на месте? Тот ведь до сих пор сжимал в руках нож!

Остальные игроки в масках Нуо застыли на своих стульях. Они во все глаза смотрели на Белую маску Нуо, опасаясь, что эта наглость спровоцирует резкую вспышку гнева. Но Белая маска Нуо лишь долго буравил Коу Дуна взглядом. И хотя лицо хозяина скрывало дерево, тяжесть этого пристального взора ощущалась почти физически.

Коу Дун, впрочем, не дрогнул и спокойно посмотрел в ответ. Его маска Чжун Куя выглядела куда свирепее этого унылого белого овала.

В конце концов Белая маска Нуо первым отвёл глаза.

— Гость угадал верно, — проскрежетал он.

Приподняв керосиновую лампу, он осветил мертвенно-бледное дерево на своём лице.

— На этом сегодняшний банкет окончен. Жду вас завтра в то же время.

Его недовольство буквально сочилось сквозь слова. Белая маска Нуо развернулся, вернул стакан с гадалыми палочками обратно в святилище и бесшумно заскользил прочь по тропинке, пока его белое одеяние окончательно не растаяло в ночной темноте.

Лишь когда он ушёл, сидевшие на стульях игроки смогли пошевелиться. Они косились на Коу Дуна со смесью благоговейного уважения и ужаса.

Выкинуть такое... Это же чистой воды издевательство над авторитетом ведущего!

С другой стороны, поступок Коу Дуна открыл для них лазейку. Игрок в маске Рыбьего духа первым подал голос:

— Получается, завтра мы тоже можем обвинить его?

Все прекрасно помнили, какая участь постигла того, кто ошибся сегодня. И теперь каждый лихорадочно соображал, как спасти собственную шкуру, если жребий укажет на него.

— Это была чистая случайность, — покачал головой Коу Дун. — Завтра такой фокус вряд ли сработает. Он ведь тоже не дурак.

Подумав, остальные согласились. Да и вообще, мало у кого хватило бы духу бросить вызов хозяину вечера. Безумцев, готовых так играть со смертью, среди них больше не наблюдалось.

— Ну, по крайней мере, сегодня мы выжили, — вздохнул кто-то. — Может, вернёмся в дома?

Ночь стояла глухая, в вышине зловеще сияла кровавая луна, и ни у кого не было желания задерживаться на улице. Игроки стали молча расходиться один за другим, не прибегая к лишним разговорам.

Коу Дун шёл медленнее всех, нарочно отстав от группы.

— Хочу ещё раз осмотреть святилище, — шепнул он Е Яньчжи.

Момент был идеальный.

Юноша развернулся и бесшумно скользнул обратно за тяжёлые двери храма. Внутри всё выглядело довольно привычно: с потолка свисали пёстрые ритуальные ленты и флажки, тусклый лунный свет мешался с дрожащим пламенем свечи у алтаря, едва рассеивающим полумрак.

Огромное красное полотно полностью накрывало установленное на постаменте изваяние, скрадывая детали и оставляя лишь смутный человеческий силуэт.

Е Яньчжи, надёжно устроившись у него на груди, задумчиво произнёс:

— Красная ткань на голове... Это чтобы отвадить зло.

— Но если они сами поклоняются этому божеству, зачем им защищаться от него? — удивился Коу Дун.

Крошечный спутник скрестил руки на груди:

— Призвать божество легко, прогнать — куда труднее.

Особенно если речь шла о каком-то безвестном злом духе. Опрометчивое поклонение подобным сущностям приносило не благословение, а скорую гибель.

Коу Дун занёс руку, раздумывая, не сорвать ли красную ткань, но в последний момент передумал.

Не то чтобы он трусил, просто если уж его А-Цзай предупредил об опасности, под покрывалом наверняка таилось нечто жуткое. Осторожность никогда не бывает лишней.

— Ладно, осмотрим пока сам храм, — решил он.

Впереди высился обычный алтарь с благовониями и свечами. Коу Дун обогнул его, зашёл за спину скрытому божеству и удивленно замер.

Там стояли массивные стеллажи, уставленные ровными рядами вечно горящих светильников. Их было не меньше сотни. Крошечные огоньки горели так слабо и тускло, что из главного зала их присутствие заметить было невозможно.

Подойдя ближе, юноша разглядел на каждом светильнике надписи.

Сначала шла дата, а следом — имена благочестивых прихожан, подносивших масло «вместе со всеми чадами и домочадцами». Резервуары вечно горящих светильников были до полна налиты маслом, которого хватило бы на долгие месяцы непрерывного горения.

Вся эта храмовая атрибутика казалась Коу Дуну бесконечно далекой от его привычной жизни. Осмотрев полки, он не удержался и шёпотом пожаловался своему А-Цзаю на вред отсутствия всеобщего начального образования.

Е Яньчжи лишь промолчал в ответ.

Он давно заметил, что мысли Коу Дуна имеют свойство улетать в совершенно непредсказуемые степи.

— Если уж тебе так хочется порассуждать об этом, выбери место получше, — сухо заметил Е Яньчжи. — Не стоит гневить духов в их собственной обители.

Коу Дун гордо расправил плечи и заявил, что как истинный наследник социализма он не ведает страха перед суевериями. Е Яньчжи, качаясь у него на груди, мысленно признал, что этот парень попросту безнадёжен.

Коу Дун принялся внимательно разглядывать вечно горящие светильники один за другим. Обладая отличной памятью, он быстро фиксировал в уме имена деревенских семей.

Маленький спутник внимательно наблюдал за его действиями, а затем негромко произнёс:

— Что-то здесь не так.

— М-м? — отозвался Коу Дун.

— Слишком много имён, — пояснил Е Яньчжи, указывая на надписи. — В каждой семье полный состав. Никто не пропущен.

Коу Дун на секунду застыл, сообразив, откуда бралось подсознательное ощущение неестественности. Действительно, много ли в реальной жизни встретишь семей, где одновременно живы прадедушки, дедушки, родители, братья и сёстры?

Старики обычно уходят первыми — таков закон природы. Однако в этой глухомани пожилые люди во всех без исключения домах оставались в полном здравии.

Если вспомнить старого старосту, который в свои преклонные года двигался с лёгкостью молодого юноши, становилось ясно: за этим феноменом скрывается нечто злое.

Внезапно в мёртвой тишине храма раздался тихий звук. Это был едва различимый вздох — настолько тихий, что уловить его можно было лишь в абсолютном безмолвии.

Словно кто-то невидимый стоял за спиной и мягко дышал юноше прямо в ухо.

Даже не повернув головы, Коу Дун непринуждённо спросил:

— А-Цзай, ты что, приболел?

— В каком смысле? — не понял Е Яньчжи.

— Сопишь больно громко.

Крошечный Е Яньчжи, сидевший на плече Коу Дуна, недоумённо нахмурился:

— Ты слышишь моё дыхание?

— Ну да, — кивнул Коу Дун. — А сам не чувствуешь?

Лицо деревянного человечка мгновенно посерьёзнело:

— Мне не нужно дышать.

В нынешнем своём воплощении он был лишь неодушевлённой куклой. О каком дыхании могла идти речь?

Пальцы Коу Дуна дрогнули, едва не выронив лампу. Он осторожно вернул её на полку и замер, прислушиваясь к темноте.

Чужое дыхание не прекратилось. Оно раздавалось у самого уха, становясь с каждым разом всё отчётливее и громче. Это не было игрой воображения.

В слабом, неверном свете догорающих свечей тени плясали по стенам.

Собственный силуэт Коу Дуна вытянулся на полу длинной тёмной полосой. Кукла на его плече тени не отбрасывала.

Чуть дальше, словно грозный курган, возвышалась тень укрытого красной тканью божества.

Коу Дун скользнул по ней взглядом и уже собирался отвернуться, как вдруг резко замер.

Ему показалось — или силуэт исполинской фигуры на стене только что едва заметно дрогнул?

Ледяная волна предчувствия сковала грудь. Коу Дун сделал осторожный, бесшумный шаг назад, не сводя глаз с алтаря.

Тень зашевелилась снова. Движение было крошечным, едва уловимым — плечо великана слегка приподнялось вверх, но этого хватило, чтобы развеять последние сомнения.

Скрытое под красным покрывалом существо медленно просыпалось, силясь сбросить путы.

Частота этих содроганий в точности совпадала с ритмом чужого дыхания, разносившегося по залу.

Догадка обожгла разум.

... Это было изваяние.

Глиняный истукан на постаменте оказался живым!

От ужаса волосы на голове зашевелились. Не раздумывая больше ни секунды, Коу Дун рванулся к выходу!

За его спиной исполин зашевелился быстрее. Из-под ткани медленно поднялись огромные руки, торс накренился вперёд — каменное тело грузно поднималось со своего трона.

Коу Дун не горел желанием проверять, что случится, попадись он в эти объятия. Спасительный выход чернел совсем рядом, но настигающая исполинская тень уже полностью накрыла беглеца.

Тёмный силуэт чудовищной длани тянулся к нему, отставая всего на полшага.

Ещё немного...

Юноша стиснул зубы.

Ещё одно усилие — и порог!

Носок его обуви уже почти коснулся деревянного порога, как вдруг тяжёлые створки храмовых ворот со зловещим скрипом начали захлопываться. Снаружи на мгновение мелькнул подол белого одеяния — кто-то запирали их снаружи!

Старая, рассохшаяся древесина поддавалась неохотно, но на то, чтобы пробить дорогу, ушли бы драгоценные секунды. Коу Дун спиной чувствовал ледяное дыхание — огромные пальцы едва не касались его куртки.

Не успеть!

— Двойник! — крикнул Е Яньчжи, изо всех сил вцепившись в его плечо.

Коу Дун молниеносно сунул руку в карман, выхватил бумажного человечка и швырнул его назад. Исполинское существо мгновенно переключило внимание. Огромная ладонь, скрытая багровым шёлком, метнулась в сторону улетающей бумажки и намертво сжала её в кулаке.

Воспользовавшись заминкой, Коу Дун прыгнул вперёд, наваливаясь всем телом на прикрытые

створки. Двери с треском распахнулись. Не удержав равновесия, он полетел на ледяную землю, ободрав ладони, но тут же перекатился на бок.

Оглянувшись, он увидел, как оживший истукан затаскивает под красную ткань пойманную бумажку. В ту же секунду из-под шёлка донеслись жуткие звуки — мерзкое, влажное чавканье и шуршание, словно нечто шершавое скреблось о живую кожу.

Покрывало заходило ходуном.

Коу Дун вскочил и, пошатываясь, бросился прочь от проклятого места. Лишь отбежав на безопасное расстояние, он остановился, пытаясь унять бешено колотящееся сердце.

Смерть прошла в волоске от него.

Ещё пара секунд — и он остался бы там навсегда.

Но цена спасения оказалась высока: его первый ценный артефакт — бумажный человечек, вытащенный из Пруда обмена, — превратился в пыль.

Только теперь Коу Дун в полной мере осознал полезность игровых предметов. В критической ситуации они буквально даровали вторую жизнь.

Вернувшись в свою комнату и немного переведя дух, он заговорил с Е Яньчжи о загадочном силуэте у дверей храма.

Во время панического бегства рассмотреть предателя не удалось: в памяти отпечатался лишь край белой ткани. Но сейчас все жители и гости деревни носили одинаковые балахоны, скрадывающие любые особенности фигуры.

Е Яньчжи оказался наблюдательнее. Он успел заметить краешек чужой маски Нуо и зловещий блеск чужого глаза в прорези.

— Сегодня искать виновного бессмысленно, — покачал головой маленький спутник. — Ночью на улицу никто не выйдет, а к утру маски у всех изменятся.

Вычислить злоумышленника среди толпы станет и вовсе невозможно.

— Как думаешь, это был человек или призрак? — спросил Коу Дун.

— Конечно, призрак, — без колебаний отозвался Е Яньчжи.

Коу Дун молча согласился.

В этом испытании живым игрокам не было нужды уничтожать друг друга — для победы требовалось лишь разгадать тайну этого места. А вот у нечисти мотивы оставались предельно простыми.

Они жаждали вечно удерживать его здесь.

Е Яньчжи вздохнул по-взрослому тяжело и серьёзно:

— Ложись спать. Утро вечера мудренее, завтра продолжим поиски зацепок.

Коу Дун послушно кивнул и забрался под одеяло, так и не сняв уродливую маску. Е Яньчжи устроился рядом, недовольно коснувшись деревянной поверхности:

— Сними её, она мешает мне видеть тебя.

Вернув привычное самообладание, Коу Дун тихо усмехнулся:

— Что такое? Неужто соскучился по лицу своего папочки?

Малыш насупился и пробормотал что-то невнятное себе под нос. Коу Дун не расслышал слов, но в следующий миг крошечная ладошка Е Яньчжи бережно легла на край его маски, а вторая принялась мягко, убаюкивающе гладить юношу по голове.

Коу Дун прикрыл глаза, не проронив больше ни звука.

Этот нехитрый жест принёс ему удивительное облегчение и покой.

Осознание того, что рядом есть живая душа, желающая его спасения и готовая стоять за него горой...

Это избавляло от гнетущего чувства одиночества. Теперь, зависая над бездной, он знал: у него есть настоящий боевой товарищ.

Должно быть, из-за обилия потрясений прошедшего дня, Коу Дуну впервые за долгое время приснился сон.

Вообще сновидения посещали его редко. Когда он только лишился памяти, то надеялся вернуть крупицы прошлого через ночные грёзы, но безупречно крепкий и здоровый сон быстро развеял эти иллюзии.

Слишком крепкий сон порой оборачивается существенным недостатком.

Но в эту ночь сознание всё же увлекло его за собой.

Ему снилось, будто он бредёт по знакомой улице, небрежно закинув за плечо рюкзак. Кто-то весело приобнял его за шею, зазывая поиграть в баскетбол после уроков.

— Какой ещё баскетбол? — донёсся до него собственный сонный голос. — Кеды только протирать. В рейд-то сегодня идём?

Приятель тут же согласно зашумел:

— Конечно идём! Без вопросов!

— Мы же целиком полагаемся на нашего брата Дуна! Кто ещё нас протащит...

— У кого сегодня собираемся? У тебя?

— Давай у меня. Закажем доставку втихаря, чтобы предкам на глаза не попадаться...

Они шли, переговариваясь на ходу. Вдруг один из друзей обернулся:

— Брат Дун, ты чего застыл?

Коу Дун не шевелился. Он стоял посреди тротуара, напряжённо вглядываясь в пространство за своей спиной.

Но позади не было ничего подозрительного — лишь стайка хохочущих школьников, увлечённо рассматривавших блестящую заколку.

— Брат Дун?.. Коу Дун, ты тут? — окликнул его приятель.

Коу Дун взъерошил волосы и тихо выругался:

— Чертовщина какая-то.

Его не покидало ощущение чужого присутствия. Чей-то пристальный, обжигающий взгляд буквально впивался в спину, заставляя кожу покрываться мурашками. Но каждый раз, стоило ему резко обернуться, невидимый наблюдатель бесследно исчезал.

«Сталкер?»

Эта мысль едва успела сформироваться, как её прервал взрыв дружного хохота друзей.

— Да ладно тебе, брат Дун! Ужастиков переиграл? Какой ещё сталкер?

— Не завидуй, у нашего Дуна хотя бы лицо для этого есть, в отличие от твоей хари.

— Да ладно вам, — вмешался третий. — Наверняка очередная младшеклассница сохнет. Ему не привыкать. Брат Дун у нас гроза девичьих сердец, скажи же?

Коу Дун наконец стряхнул наваждение.

— Слышь, я ваш отец, рты завалили, — без злобы отшутился он, ускоряя шаг.

Вскоре восторженный вопль приятеля: «Офигеть, какая тачка!» — окончательно вернул его к реальности.

«Наверное, просто показалось», — решил он тогда.

Дальнейшие события сна подернулись дымкой. Кажется, они поспорили, кому принадлежит этот роскошный автомобиль, забили на уроки и уселись караулить неподалёку. Они ждали очень долго, пока дверца машины наконец не приоткрылась...

Но кто это был? Как выглядел тот человек?

Сон пошёл рябью, словно потревоженная гладь воды, стирая очертания и лица.

Он резко проснулся. Рядом, уткнувшись лбом в его макушку, мирно посапывал Е Яньчжи. Коу Дун несколько раз удивленно моргнул, сиюсь воскресить детали сна, но обнаружил, что в памяти не осталось ни единого фрагмента.

Покачав головой, он снова закрыл глаза и провалился в глубокий сон без сновидений.

Утром на тумбочке у кровати обнаружилась новая маска Нуо. Косые глаза, перекошенный рот и нелепая красная шапочка набекрень делали её похожей на дешёвого ярмарочного клоуна.

Это была маска Циньтуна.

После ужасов прошлой ночи этот образ оптимизма не внушал.

Взяв её в руки, Коу Дун убедился, что его маска Чжун Куя бесследно исчезла. Судя по всему, сегодня ему предстояло примерить на себя роль Циньтуна. Интересно, кем стали остальные?

Каждый новый день обнулял расстановку сил, заставляя искать зацепки с самого начала. Коу Дун интуитивно чувствовал: правила игры не могут быть избыточно запутанными. Существовала скрытая закономерность, связывающая маски и их носителей, которую они просто пока не разгадали.

Умывшись на скорую руку, он нацепил шутовскую маску и вышел во двор. Стоило ему показаться на улице, как другие игроки бросились врассыпную, стараясь держаться от него как можно дальше.

Лишь один решился подойти ближе, да и тот дрожал как осиновый лист. Воспоминание о том, как вчерашний Циньтун сорвал маску и сожрал Смеющегося монаха живьём, оставило неизгладимый след в их психике.

Смельчаком оказался парень в маске Черепахи. Запинаясь от страха, он выдавил:

— Ты... ты ведь не тот самый, верно?

— А ты угадай, — вкрадчиво предложил Коу Дун.

— Мне кажется... кажется, ты другой человек, — с надеждой пролепетал тот, заглядывая в прорези маски.

Коу Дун выдержал многозначительную паузу, а затем зловеще расхохотался и занёс руку над лицом, словно собираясь сорвать личину:

— Не угадал!

Несчастливая «Черепаха» подпрыгнула на месте чуть не на метр и бросилась наутёк. Поняв, что его просто разыграли, бедолага ещё долго не мог отдышаться. Он сердито проворчал, что впервые видит столь безбашенного шутника в смертельной игре, и что этот тип явно вчера потешался над ведущим-неписем.

Чувствовался один и тот же почерк.

Коу Дуну и самому понравилась эта маленькая шалость. Он неторопливо побрёл по улочкам. Вдруг откуда-то донеслись звуки ритуальных гонгов и барабанов. На этот раз, однако, деревня готовилась не к ритуальным пляскам — в одном из домов справляли тризну.

Смерть.

При этом слове Коу Дун мгновенно вспомнил бесконечные ряды светильников в святилище. Он пошёл на звук и вскоре оказался у ворот одного из дворов. Из дома как раз выносили наглухо заколоченный гроб. Молодая женщина, безутешно рыдая, прижималась лицом к тёмному дереву — хоронили её супруга.

Свободной рукой она крепко сжимала ладошку маленького сына лет четырёх-пяти. Ребёнок не плакал; он лишь испуганно озирался по сторонам, явно не понимая, что происходит вокруг.

Понаблюдав за процессией, Коу Дун повернулся к стоявшему рядом местному жителю:

— От чего он умер?

В таком зловещем и странном месте естественная смерть казалась чем-то из области фантастики.

Сосед покосился на него и угрюмо промолчал. Лишь когда Коу Дун настойчиво потрепал его за плечо в третий раз, тот нехотя буркнул:

— Сгорел от болезни.

— От болезни? — нахмурился юноша. — Какая хворь его скосила?

Мужчина сжал губы ещё сильнее и после долгой паузы процедил сквозь зубы:

— Чахотка.

Больше от него нельзя было добиться ни слова.

Коу Дун понимал, что это предел откровения для игрового персонажа. Окинув взглядом толпу провожающих, он внезапно протиснулся вперёд и бесцеремонно схватился за край гроба, собираясь помочь нести его.

Такого поворота никто не ожидал. Крестьяне опешили, но уже через секунду набросились на него, силой оттаскивая от скорбной ноши.

— Ты что творишь?!

Заметив дикий страх и враждебность в их глазах, Коу Дун невозмутимо ответил:

— Да я просто помочь хотел. Из вежливости.

— Нам не нужна твоя помощь! — злобно выкрикнул один из мужчин. — Катитесь отсюда, чёртвы чужаки!

— Пошёл вон!

— Убирайся!

Кто-то уже размахивал старой метлой, грозясь вымести незваного гостя со двора. Пришлось отступить. Коу Дун ретировался, чувствуя себя глубоко оскорблённым в лучших чувствах, и принялся жаловаться своему спутнику:

— И это называется «все неписи без ума от меня»? Это так они выражают свою любовь?

Чуть что — сразу за веник хватаются!

Разве они не должны были с поклоном принести все подсказки на блюдечке с голубой каёмочкой и разжевать их ему?

Е Яньчжи посмотрел назад через его плечо и флегматично заметил:

— Вообще-то тебе крупно повезло. Не будь они к тебе так благосклонны, этот веник уже давно бы сломался о твою спину.

Коу Дун обернулся и действительно увидел, как другого незадачливого игрока, попытавшегося приблизиться к процессии, с побоями и криками прогнали со двора. Тот получил несколько чувствительных ударов черенком по голове.

На душе сразу потеплело.

Ну, ладно, справедливо.

— Гроб ведь пустой? — внезапно спросил Е Яньчжи.

Коу Дун изумленно округлил глаза под маской:

— Откуда ты узнал?

Он сам успел приподнять край досок во время суматохи, но его маленький А-Цзай всё время оставался на плече.

— Визуальная оценка, — спокойно отозвался тот. — Гроб с покойником и пустой ящик весят и выглядят совершенно по-разному.

Ему хватило одного взгляда на то, как двигались носильщики.

— Какой же ты у меня умница, — искренне похвалил Коу Дун. — Раз гроб пуст, то и факт чьей-либо смерти под большим вопросом.

Но сама деревянная коробка оставила на душе гнетущий осадок.

Е Яньчжи продолжал пристально вглядываться в сторону сиротливого дома, словно пытаясь что-то рассмотреть в толпе.

— Тот мальчик... — негромко произнёс он. — Кажется, я его где-то видел.

Коу Дун тоже обернулся и посмотрел на малыша. Тот послушно держался за материнскую юбку, устремив в пустоту непонимающий взгляд.

— Думаешь?

Е Яньчжи нахмурился, тщетно пытаясь отыскать нужный образ в памяти:

— Не помню. Всё смутно.

— Пустяки, — Коу Дун ласково погладил его по деревянной голове. — Наверняка видел его, когда я лепил глиняных фигурок для местной детворы.

Тогда вокруг него собралась едва ли не половина деревенских ребятишек.

При упоминании глиняных фигурок Е Яньчжи прикусил язык. Перед его внутренним взором мгновенно предстало вытянувшееся от изумления лицо старого старосты.

По правде говоря, в тот момент он и сам знатно удивился. До встречи с Коу Дуном ему ни разу не доводилось видеть у виртуальных персонажей столь живой и искренней гаммы чувств. С возвращением этого безумца местные неписи стремительно превращались в ходячие мемы.

Его молчание, однако, было истолковано превратно. Коу Дун на секунду задумался, а затем решительно присел у дороги, зачерпнул горсть сухой земли и, плеснув на неё воды из фляги, принялся увлечённо месить грязь.

Е Яньчжи удивлённо приподнял бровь:

— Что ты делаешь? Опять собираешься заманивать детей игрушками?

Уж слишком профессионально и ловко тот взялся за дело.

Устроившись на корточках в тихом уголке под стеной дома, Коу Дун сосредоточенно скатывал идеальные глиняные шарики. Добившись нужной формы, он принялся высматривать на земле подходящую веточку.

Е Яньчжи пока не улавливал сути замысла, но чисто машинально указал:

— Вон та, сухая, подойдёт.

Коу Дун быстро подобрал веточку и принялся аккуратно выводить на влажной глине крошечные черты лица.

Е Яньчжи молча наблюдал за процессом, чувствуя, как внутри него начинает закипать глухое раздражение. Ради какого такого счастливчика этот оболтус так старается и выводит каждую деталь?

— Кого на этот раз планируешь облапошить? — с подозрением спросил он.

К этому моменту работа была закончена. Насадив аккуратную глиняную головку на палочку, Коу Дун с сияющей улыбкой протянул шедевр своему спутнику:

— Держи! Это тебе!

Е Яньчжи опешил.

Ему? С какой стати?

— Ты ведь тоже хотел такую игрушку, правда? — ласково прищурился Коу Дун.

Е Яньчжи потерял дар речи от столь наглой клеветы.

С чего он вообще взял, что ему нужна эта нелепая поделка? Он, на минуточку, взрослый двадцатиоднолетний мужчина!

Коу Дун, сияя неподдельной родительской нежностью, ласково потрепал его по макушке:

— Если чего-то хочется, просто скажи папочке, я всё для тебя сделаю. Не нужно завидовать другим детям. Всё, что принадлежит мне, по праву твоё.

Е Яньчжи почувствовал, как его хвалёное самообладание окончательно дало трещину.

<http://bllate.org/book/18984/1950797>